

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК С ЧУВСТВОМ ЧЕРНОГО ЮМОРА

В конце семидесятых — начале восьмидесятых на одной шестой части суши появился новый уникальный фольклорный жанр — «детский» черный юмор.

Наряду с такими невинными шедеврами, как «Вовочка с папой играли в хоккей... Больше у папы не будет детей» или — «Голые бабы по небу летят — в баню попал реактивный снаряд», из уст в уста с удовольствием передавались и другие произведения (несомненно, выражавшие народные чаяния):

Дедушка в поле гранату нашел,
С этой гранатой к обкому пошел,
Выдернул чёку и бросил в окно...
Дедушка старый, ему все равно.

Партийное и особенно литературное начальство эти малые стихотворные формы раздражали больше анекдотов — литгенералов в частности потому, что рифмованный черный юмор однозначно предполагал некорректное авторство, а кто автор и почему на свободе, они не знали.

Значит — недосмотр! Преступное попустительство! Вредительство в писательском цехе!

А теперь сравните анонимные шедевры этого жанра с не менее тогда популярными, ходившими в списках, но подписанными простыми русскими именем-фамилией Олег Григорьев.

Цитирую по памяти:

Я спросил электрика Петрова:
— Для чего тебе на шее провод?
Ничего Петров не отвечает —
Только тихо ботами качает.

Или вот еще:

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнасиловал,
А я так пнул ногой.

Похоже? Вот и надзирающие органы решили, что похоже. Стоит ли после этого удивляться появлению погромной статьи в «Литгазете» и последовавшей травле Олега Григорьева, замечательного детского и «недетского» тоже поэта?

Имел ли Олег Григорьев прямое отношение к фольклорному черному юмору, неизвестно (вполне мог поучаствовать в этой веселой игре, заменявшей отсутствовавший в СССР жанр «ужасистик»). Но вот расплатился за народную крамолу именно и только он.

Впрочем, Олег Григорьев никогда и не отделял себя от народа.

Внешне удивительно напоминал мужичка из мультфильма «Шел прошлогодний снег» — помните, того самого, который все время шепелявит и говорит: «Маловато будет!»? А вот внутренне этот мужичок — полная противоположность Григорьева, у которого хватательный рефлекс отсутствовал напрочь. Наоборот, он был готов отдать и отдавал все то небольшое, что имел.

Я познакомился с Олегом Григорьевым за два года до его смерти, на излете перестройки. Его привел в редакцию «Огонька» питерский поэт и переводчик Михаил Яснов. Олег был очень бедно и как-то по-сельски одет, робел и стеснялся — тоже по-деревенски. Но сквозь эту робость просвечивала какая-то лучистая радость. Вскоре выяснилось и ее причина: так же стесняясь, Олег подарил мне маленькую несброшюрованную брошюрку со своими лучшими стихами.

Хоть ее он успел увидеть. А все красиво изданные тома в твердой обложке вышли уже после смерти автора, последовавшей десять лет назад...

● Олег ХЛЕБНИКОВ

И тогда, может быть, проступит Олег Григорьев истинный, не искаженный разными личинами, которые стали прирастать к его лицу. Очень важно просто понять и отобрать созданное им.

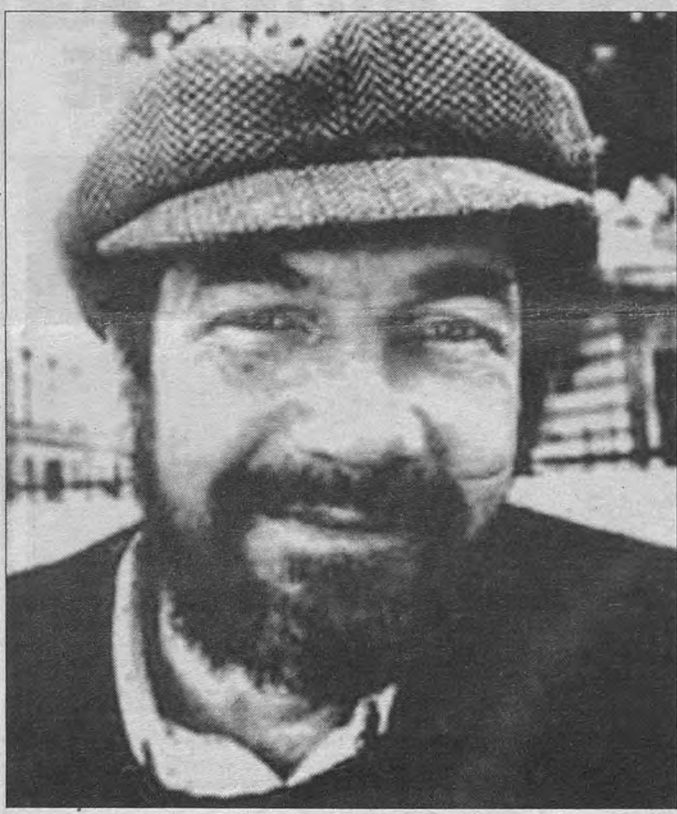
Книга стихов Олега Григорьева с рисунками поэта, изданная Львом Захаровым («Нотабене») в 1993 году, дает верный ключ к пониманию творчества Григорьева. Кажущаяся нарочитой бедность художественных средств становится понятной, если сопоставить стихи с изобразительным творчеством Григорьева, его графикой, его карандашными набросками. Это в основном натюрморты.

Темы для них он берет в буквальном смысле под ногами. Проржавевшие баки, истлевшие сумки, сношенный башмак, разбитый кувшин, скомканное, как бумага, ведро. И главное в каждой работе — поразительный свет. И тень. Их ритм, их игра, их «взаимоотношение» и градус света и тьмы. Свет и тьма. Этот главный вопрос бытия он решал, рассматривая то, что было в поле его зрения. В том поле, куда его отнесли «холодные зрачки», следившие за ним в камере и на воле, где «прутья были пореже». Вещи, окружающие поэта, были по сути отбросами, утилем. Их он, художник, преображал в шедевры. Из всей ужасающей нищеты, к которой был приговорен поэт, он высекал рифмы.

Анна Ахматова сказала: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Творчество Григорьева — это материализовавшаяся метафизика.

ОН ХОТЕЛ НО У НЕГО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

10 лет без Олега
ГРИГОРЬЕВА, но с его
витамином роста

Его рифмы с остроумием народной частушки отшелкивали и припечатывали, обнажая абсурдность нелепых правил и законов сложившегося человеческого общежития. Поэтом Григорьева не издавали.

Детская литература, служившая спасительной гаванью для поэтов и писателей (конечно, в этой гавани спаслись немногие), помогла состояться в какой-то мере их творческим судьбам. Так, при жизни поэта были изданы единственные его три книжки стихов в издательстве «Детская литература». Две — первая и последняя — в ленинградском Детгизе, вторая — в московском. В некоторых статьях о Григорьеве подмечено, что дети в его стихах — это «окарикатурные взрослые». А взрослые — это остановившиеся в своем развитии дети. Но это не литературный прием.

Сегодня, издавая поэта, можно более четко разграничить его «детские» и «взрослые» стихи. Но как бы ни принаравливали Григорьева, невольно искажая, чтобы издать, это не помешало читателю увидеть и полюбить его талант. Сама принадлежность к Детгизу порой не допускала подозрений цензоров. У

редактора оставалась возможность доказать, что написанное надо понимать буквально. Скрытый смысл — нелепое подозрение. Например, можно было доказать, что народная сказка про «Тридцатое царство» — это не про заграницу.

Уже потом, в начале восьмидесятых, когда в высших инстанциях дрались за кресла и портфели, неугодных убирали «за низкопробную детскую литературу», пересматривая простые добрые и веселые детские книжки, выискивая в них крамолу, антисоветчину и прочие грехи. Тогда в качестве примера и прогремело стихотворение Олега Григорьева:

Спросила птица в клетке:
— Ну как тебе на ветке?
— Так же как и в клетке,
Только прутья редки.

Тогда книга Григорьева «Витамин роста», выпущенная в московском Детгизе, была объявлена вне закона. Это перекрыло поэту «кислород». Ему отказали в приеме в Союз писателей и на годы закрыли путь в литературу. Гневные постановления Госкомиздата зачитывались в издательствах. И «документы прорабатывались». Издательства не принимали его заявки.

Олег Григорьев успел застать перестройку. В начале 90-х стало воз-

можно издавать все. И все, что было у поэта не роздано по рукам, не растащено «поклонниками», что сохранилось у родственников, — все издали. Его подняли на шит митьки, написав его имя на своих знаменах, и собрали с этой акции необходимые дивиденды. Для этого они надели на поэта маску митьки. Десять лет начались для Олега Григорьева с шумных изъятий в любви. Поэт радовался любому доброму слову. Столько внимания! За столько лет непризнания, неиздания... Пережит «сумасшедший дом» на Пряжке, «Кресты» — за два с половиной года до смерти. Теперь ему предлагали подписать договор!

...Однажды в Детгизе на одном из лестничных переходов — мы возвращались от машинисток — он вдруг остановился, посмотрел на отпечатанную страницу, проверяя работу, вслух прочел первое, что бросилось в глаза:

...Марadona ваяет с ног,
Он кривается, контузен:
Чем талантливей игрок,
Тем ему, понятно, хуже...

Потом потряс полый пиджака, засунув руку в пустой карман. Ему, наверное, послышался звон монет, как слышал он не сказавшего ни слова говорящего ворона, как слы-

шал грохот утюга, нарисованного на бумаге, выброшенной в корзину, и сказал: «Куда девать деньги, поэма такая длинная, а строчка стоит рубль двадцать. Эти четыре строчки — уже четыре рубля восемьдесят копеек!». Потом направился к выходу, читая строку за строкой и добавляя к каждой рифме: «Рубль двадцать, рубль двадцать...» (Кстати сказать, платили ему отнюдь не по высшей ставке.)

...До издания поэмы «Футбол» оставалось еще много лет. Ее издали после его смерти, в 1997 году.

В нынешнем году исполнилось десять лет со дня смерти поэта. Десять лет — это уже достаточное расстояние, с которого можно кое-что рассмотреть. Почему так важно осмыслить основные вехи в творческом пути мастера? В издаваемом за это десятилетие потоке стихов поэта, гигантском водопаде всех строчек, которые имелись в наличии издателей, во времена, когда «разрешено» все, что не запрещено, трудно понять, что главное. Что выношено и осмыслено, а что «этюды» и «упражнения» для того, чтобы «размять руки», попробовать на слух и «на зуб» рифму, что мастерская поэта, из которой еще выйдет после огранки и обработки шедевр, а что уже готово.

Издатели двадцать первого века, вероятно, выпустят в свет собрание сочинений Олега Григорьева и тщательно отберут ограниченные кристаллы и как варианты, как материал черновики, поместят в приложениях, сносках и комментариях стихи «из мастерской».

ра Ахматовой. В своем полном крахе быта он был оттеснен в такую зону, где уже плодородной почвы не было, и он рисовал пером художника и «стилом» поэта то, что ему оставалось — этот самый сор.

Для поэтического «натюрморта» Григорьев мог послужить стеклянный стакан или бутылка молока, например. Вот повод для стихотворения о пространстве и времени — бутылка молока, перевернутая горлышком вниз: «Видно, время для молока истекло и настало время для простокваши». И безделица, и игра словом, и неожиданность.

Олег Григорьев был фантастически добрым человеком. Его открытая душа была с доверием обращена к людям. Так, по-доброму и доверчиво, смотрит на мир ребенок. Он отдавал ближнему последнее. Его дом был всегда открыт миру, друзьям, бездомным, голодным.

Но в его незапертые двери входила милиция. Он защищал от непрошеного вторжения участкового своих друзей и «получил статью» за нападение на власть. Он делил свое жилье с теми, с кем делил жизнь, но они же его и выжили из собственного дома. Он никогда никого не подозревал, такое чувство просто не могло зародиться в его душе, так он был добр изначально и навсегда. Коварство, подчас получаемое им в ответ на доброту, не отучало его помогать и отдавать последнее.

«Стремился я к людям
навстречу,
Вижу — бегут они
стагом.